

связи с житием Александра Невского, к которому его приставил редактор печерского сборника XVI в., как увидим дальше. Именно это «Слово» переделал в церковном духе автор жития Федора Ярославского, Андрей Юрьев. Это «Слово» помнил белозерский гуслиар, вставивший из него несколько слов в свою неполную версию «Задонщины», им воспользовался и автор «Родословца». Отзвуков жития Александра Невского в этих трех произведениях незаметно.

8. Отзвуки «Слова о погибели» и параллели к нему

«Слово о погибели» было известно в следующие века, хотя следов его влияния сохранилось очень мало.

Укажем, что некоторое сходство темы и отдельных выражений можно найти в известном третьем «Слове» епископа Серапиона Владимирского (1274 г.), когда он рисует картину «томления и муки» Русской земли. Автор «Слова» воспевал былое величие, красоту сел и городов, храбрых князей и бояр, прекрасные церкви. Епископ Серапион как бы отвечает ему:

Разрушены божественные церкви...
 Княз и наших, воевод крепость исчезе,
 храбрии наши, страха наполньшеса, бежаша...
 села наша лядиною поростоша,
 и величество наше смирися,
 красота наша погыбе,
 богатство наше онем в корысть бысть,
 труд наш погани наследоваша,
 земля наша иноплеменником
 в достояние бысть.⁵⁸

Певец «Слова» воспел былую красоту, намереваясь рассказать о ее погибели. Серапион в сильных ритмических выражениях описал эту «погибель красоты». Конечно, не будем гадать о том, знал ли Серапион дошедший до нас отрывок или, быть может, утраченное продолжение «Слова». Очень возможно, что не знал и что известное сходство объясняется всей обстановкой того времени, когда антитеза между былым величием Русской земли и тягостным разорением вызывала горькие чувства почти в каждой душе. Такие выражения могли быть «общими местами» в ту эпоху.

Гораздо позже, в XV в., автор жития князя Федора Ярославского, Андрей Юрьев, несомненно, воспользовался началом «Слова о погибели» для вступления в это житие: «О светлая и пресветлая Русская земле! и преукрашенная многими реками и различными птицами и зверьми и всякою различною тварию потешая бог человека, и створил есть вся его ради на потеху и на потребу различных искушений человеческого ради естества, и потом подарова господь православною верою, святым крещением, наполни ю великими грады и дома церковными и насая ю боголюбивыми книгами». На это указал еще И. Н. Жданов, но сделал совершенно неверный вывод, что вступление «Слова о погибели» есть «один из образцов агиографической риторики».⁵⁹ Какая разница между строго ритмичным, живым, дружинным приступом «Слова» и этой монастырской риторикой, где отдельные выражения, близкие к «Слову» («О светлая Русская земля и преукрашенная... многими реками и птицами и зверьми... великими грады и дома церковными»), тонут в нескладных прозаических оборотах чисто церковного типа! Видно, что Андрей Юрьев знал «Слово» (может

⁵⁸ Н. К. Гудзий. Хрестоматия, изд. 6, стр. 162—163.

⁵⁹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 96.